

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ХАЗАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

TO THE QUESTION OF KHAZAR STATE SYSTEM FORMATION

O. Kleymenova

Summary. In the article the features of becoming of the Khazar state system in the North Pontic steppes, factors that defined the specificity of social-historical and political development of Khazar Khaganate are examined. The special attention is devoted to the inter-ethnic contacts in the region, such as mutual relations of khazars with settled-agricultural people from the point of view of social and political traditions continuity.

Keywords: Khazar Khaganate, nomads, settled-agricultural population, mutual relationship, state system, multi-ethnicity, trade.

Клейменова Ольга Александровна

*К.и.н., старший преподаватель, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
kleymenova.rgmu@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления хазарской государственности в степях Северного Причерноморья, а также факторы, которые определили специфику общественно-исторического и политического развития Хазарского каганата. Особое внимание уделяется межэтническим контактам в регионе, в частности, взаимоотношениям хазар с оседло-земледельческими народами с точки зрения преемственности общественно-политических традиций.

Ключевые слова: Хазарский каганат, кочевники, оседло-земледельческое население, взаимосвязи, государственность, полиэтничность, торговля.

Историю кочевых обществ сегодня зачастую изучают в тесной связи с историей оседлых народов. Такой подход является одним из определяющих при осещении ключевых вопросов этнополитического и культурного развития населения Северного Причерноморья. Однако подобная традиция сформировалась не сразу. Многие вопросы, связанные с социально-экономическим и политическим развитием степных племен, стали предметом длительных и многочисленных дискуссий в исторической науке. Еще с появлением труда В.Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен» сложились два направления в исследовании Хазарии — как самостоятельного объекта истории (преимущественно в трудах востоковедов), так и в связи с прошлым России (в работах по русской истории). Затрагивая проблему взаимодействия оседлых и кочевых народов, следует отметить, что в Европе эта тема вызвала интерес еще в Новое время. Однако ее настоящую научную разработку начали в XIX веке. Так, в своей монографии Ж. Дегинэ контакты между скотоводами и земледельцами трактуется двузачно: с одной стороны, это постоянное противостояние, с другой — путь кочевников к цивилизации [1]. В первой половине XX в. Р. Груссе формулирует закон «сильной личности», которая способна образовывать мировые империи [2]. При этом взаимоотношения с соседями получают значимость только после завершения формирования империи и имеют для нее негативное значение. Французский историк Л. Альфан, анализируя причинно-следственные связи возникновения и развития степных империй, относит к ним и контакты с оседлыми народами, в частности славянами [3].

На рубеже XIX — XX вв. впервые наметилась тенденция изучения истории кочевых и оседлых обществ в аспекте взаимодействия и взаимовлияния двух различных хозяй-

ственных укладов (П.В. Голубовский, А.Я. Ефименко). Традиционные представления о том, что кочевники несли только уничтожение, были признаны односторонними, подчеркивалась роль номадов в распространении восточных культурных влияний и на Европу, и на население южнорусской территории [12, с. 15–17]. Противопоставление славян и кочевников, характерное в большей степени для советской исторической науки, создание концепции извечной борьбы «леса со степью» повлияло на формирование определенных стереотипов. Нередко весь спектр межцивилизационных контактов сводился к рассмотрению военно-политических аспектов их взаимоотношений, что во многом обусловило актуальность дальнейших научных изысканий. Во второй половине XX в. комплексное использование археологических и письменных источников при исследовании кочевых обществ позволило достичь значительных успехов. В этом отношении особый интерес представляют работы В.В. Мавродина, М.И. Артамонова, С.А. Плетневой, А.П. Новосельцева, М.П. Абрамова, А.В. Гадло, М.Г. Магомедова и др. С конца XX в. контакты кочевых и оседлых народов периферии Руси все чаще освещаются с позиции перманентного взаимодействия двух историко-культурных ареалов, появились междисциплинарные исследования, в которых отдельные аспекты исторических взаимосвязей рассматриваются в широком кросс-культурном контексте [4, с. 23]. Сегодня все активнее обсуждается вопрос о взаимовлиянии, в частности, тюркских и оседлых культурных традиций во многих сферах жизни и деятельности, этногенезе, культуре, архитектуре, в отдельных деталях быта и обычаях. Осознание специфичности общественно-исторического и политического развития кочевых обществ позволило выделить ряд тем, требующих более детального и объективного анализа. Так, в частности, был поставлен вопрос: можно ли называть

кочевые сообщества государствами? Введение в научный оборот понятия «кочевой империи», как особой формы политической организации кочевников, вызвало противоречивые суждения о том, считать ли империю государством.

На процесс становления государственности у степных народов в значительной степени влияло наличие или отсутствие межэтнических контактов в синтезных зонах. Политическая история кочевых обществ представлена набегами на соседние народы, что стало нормой взаимоотношений в Степи, стратегически важной для их хозяйства. В то же время, это был не слишком надежный и стабильный источник дохода, зависевший от баланса сил между кочевниками и оседлым населением. Номады были заинтересованы не столько в расширении пастбищ, сколько в покорении территорий с другим хозяйственно-культурным типом, и не столько в постоянной оккупации оседлых образований, сколько в поддержке даже слабых императоров. В долговременной перспективе для них выгоднее было заставить население платить регулярную дань [33, с. 355]. В то же время, тяготение кочевников к центрам оседлости, свойственное эпохе формирования ранних государств, порождало различные формы синтеза кочевнической и земледельческой культур [25, с. 240]. Степная империя могла быть связана оседлой культурой не только с соседним народом, но и с земледельческим населением отдаленных территорий [8, с. 46]. Включение земледельческих народов в экономическую систему кочевых обществ предполагало более сложную политическую структуру последних, а хозяйственная зависимость, в свою очередь, усиливала взаимные влияния и переводила их на качественно новый уровень — социально-политический. Как отметил Н. Н. Крадин, государственность в форме «кочевых империй» развивалась только в тех регионах, где кочевники имели длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами [17, с. 18]. Степень интеграции кочевого и оседлого компонентов в кочевых империях могла быть разной. При этом важным считается наличие даннических отношений с оседло-земледельческим населением и сохранение правящей верхушкой, хотя бы частично, кочевого образа жизни, а также использование кочевых племен в качестве основной военной силы [24, с. 152].

Середина VII в. — это время установления власти хазар в степях Восточной Европы. В первой половине VIII в. хазары укрепляют свои позиции на нижней Волге, что способствует росту международного авторитета государства на протяжении VIII — IX вв. Анализ источников свидетельствует о том, что государственное устройство Хазарии было дуалистическим. Ибн Даста указывает, что титул правителя у хазар — Йша; но верховный правитель у них Хозар-Хакан. Последний считался только номинальным главой, реальная власть принадлежала именно Йша, занимавшегося государственными делами и руководившего войском [15,

с. 16]. Двоевластие было характерным для многих государств средневековья. Одной из его возможных причин в Хазарском каганате считают разнородность этнического состава нации. Время от времени каган мог принимать помощь еще одного предводителя какой-то влиятельной этнической группы, и постепенно такая организация власти стала постоянной [7, с. 230]. Захват соседней территории не был решающим в образовании степной империи. В ситуации с Хазарией немаловажную роль в этом процессе сыграли арабские войны на Кавказе. Арабо-хазарская война закончилась в 737 г. поражением хазар, однако им удалось сдержать натиск арабов и не допустить их в Восточную Европу. Как отмечает Е. С. Галкина, именно в этот период Хазарское протогосударство значительно расширило свои границы и получило статус каганата, начало проводить самостоятельную международную политику, основным вектором которой стал союз с Византией [9, с. 9–10].

Своеобразным индикатором распространения влияния хазарского кагана и успехов во внешнеполитической деятельности стала практика заключения династических браков с дочерьми вассальных правителей. Браки вместе с договорами считались гарантом мирных взаимоотношений, хоть и не всегда обеспечивали бесконфликтное сосуществование. В начале VIII в., во многом из-за угрозы со стороны арабов, наиболее тесные союзнические отношения установились у хазар с византийским правительством. В 732 г. был заключен брак между цесаревичем Константином и хазарской принцессой Чичак, их сын Лев Хазарин занимал византийский престол в 775–780 гг. [10, с. 92–93]. Следует отметить, что хазары достаточно эффективно использовали свои династические союзы в интересах хазарской политики в Крыму, Причерноморье, Закавказье, Восточной Европе. Можно говорить про формирование достаточно оригинальной и своеобразной тюркско-хазарской модели брачных отношений, распространенных среди представителей правящего класса. Однако уже в X в. правители Хазарии могли претендовать только на браки с представителями местных племен и небольших государств, что было обусловлено ослаблением каганата [31, с. 94]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что о степени влияния кочевого объединения судили исходя из того, брали ли жен из него, и, что еще важнее, отдавали ли туда своих родственников.

Характерно, что с появлением на исторической арене хазары не были кочевниками. Хазарский каганат является классическим примером перехода к оседлости без прямого влияния внешнего окружения, на территориях, где отсутствовали земледельческие традиции. Хазарские правители практиковали переселение хазар на правах военных поселенцев в стратегически важные, часто окраинные районы государства, в частности в Крым и Подонье [23, с. 64]. Со временем Хазарский каганат приобретает более сложную форму политической организации, о чем сви-

детельствуют такие признаки, как наличие комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, определенная территория, значительные подвластные владения. Это дает возможность исследователям идентифицировать его как кочевую империю. Практически для всех средневековых кочевых образований и тем более империй была характерна полиэтничность, чему во многом способствовали торговые отношения и военная активность. Следует отдать должное хазарским правителям, сумевшим сконцентрировать в государстве производственные и военные отношения многонационального населения, а также достижения покоренных и соседних племен.

Кочевники зачастую мешали полноценной торговле между великими государствами и, в то же время, нередко выступали ее гарантом, обеспечивая безопасность торговых операций в периоды нестабильности в степи. Участие кочевых племен южнорусских степей в торговле оседлых государств проявлялось неодинаково: если печенеги и половцы в дальнейшем будут выполнять преимущественно посредническую роль, то Хазарский каганат предстает полноценным субъектом средневековой торговли. Хазары охраняли пути, которые вели из Европы на Восток и Кавказ. Существование Хазарского каганата и Арабского Волжского торгового пути имело следствием появление русских купцов в хазарских городах и русских воинов в хазарских войсках и, соответственно, включение русских племен в орбиту восточного культурного влияния. Русы и славяне составляли основу населения в самом центре Хазарского каганата, приазовских, донских, кубанских и прикавказских степях [6, с. 165]. Интересен факт наличия в Итиле иудейской, мусульманской, христианской и языческой общины, каждая из которых имела своих судей. Веротерпимость была обусловлена важной ролью каганата в международной торговле. Можно провести интересную параллель в организации управления и судопроизводства в Хазарском государстве: «Обе ветви были приспособлены к отдельным группам или общинам: религиозным — в случае с судопроизводством и этническим — в случае с управлением» [7, с. 232].

С образованием степных государств у номадов, как правило, появлялось регулярное войско. Хазарское войско было разноплеменным. В ранний период становления государства оно состояло из хазар, а также подвластных им народов и племен. В IX — X вв. главную роль уже играет наемное войско, которое, по мнению А.П. Новосельцева, было разделено на две части — мусульманскую и славяно-русскую [22, с. 121]. Расширяя границы своих владений на западе, хазары одновременно пытались закрепиться и в Закавказье. Известны случаи, когда славянская верхушка договаривалась с правящей верхушкой Хазарии, и отряды славян принимали участие в захватнических походах на Кавказ. С обострением взаимоотношений с прикаспийскими государствами Хазария не смогла выступить против

них, так как в ее армию входили мусульманские наемники, отказывавшиеся воевать против единоверцев, и каганат решил использовать русских союзников [19, с. 30]. Сначала союзническо-федеративные, то есть относительно мирные взаимоотношения со временем обострились в результате государственного переворота в каганате и перехода фактической власти к иудейскому «царю». Опасность для Руси представлял и военно-политический союз Хазарии с Византийской империей, которая планировала распространить свою власть на все Северное Причерноморье [16, с. 26]. Последнее, вероятно, и привело впоследствии к войне и гибели каганата в столкновении с русско-печенежским союзом.

Анализируя контакты хазар со славянами, следует отметить, что вплоть до возникновения Древнерусского государства эти кочевники находились на более высоком уровне развития и диктовали свои условия. В начале IX в. развивалась торговля мусульманских стран с Восточной Европой, позднее — со Скандинавией. Возможно, именно желание контролировать экономические выгоды от этой торговли и стимулировало Хазарию к политическому контролю над славянскими племенами. Довольно сложно определить начальный этап во взаимоотношениях славян и Хазарского каганата, но можно согласиться с П.П. Толочко, который указывает на границу VIII — IX вв., как на их возможное начало [30, с. 37]. На протяжении первой половины X в. летопись не упоминает о каких-либо столкновениях с хазарами, как будто со второй половины столетия они не имели возможности бороться с Киевом за господство над восточнославянскими племенами. Это может быть вполне вероятным, если взять в расчет перемещения венгров и печенегов, отделившие Киевское княжество от Приазовья. Восстановление политических отношений Киева и Хазарии можно наблюдать только при Святославе. Под 964 г. в летописи значится начало конфликта с хазарами. Князь Святослав, собрав армию, выступил на Оку и на Волгу. Дошедши до земель вятичей и узнав, что они платят дань хазарам, он заставил их платить ее себе [28, с. 39]. И Олег, и Святослав заставляли подчиненные племена выплачивать дань, как и хазарам, иногда облегчая ее с целью закрепления за собой этих народов [26, с. 85].

Изучение Хазарии, ее социально-политической истории представляет интерес и в связи с тем, что при поиске наиболее ранних, начальных истоков древнерусской государственности сегодня все чаще упоминается так называемый «южный след», а именно — хазарский [27, с. 15–16]. Если вначале номинальную зависимость от Хазарии родоплеменная знать северян и вятичей могла использовать для опоры централизаторским устремлениям киевских князей [16, с. 22], то впоследствии пребывание под хазарским контролем дало возможность организовать разноплеменные территории в гомогенную целостность, которая перевесила хазар и их государство, образовало тот

начальный политический организм, который позднее стал ядром древнерусского государства [30, с. 38]. В то же время ближайшее окружение хазар (славяне, народы Поволжья и Северного Кавказа), находившиеся на тот момент на более низком уровне развития, не способствовали дальнейшему экономическому и политическому развитию каганата [32, с. 220].

Средневековые историки часто начало государственности связывали с принятием христианства или ислама. Так же как у сформировавшихся земледельческих государств, такой аспект религиозной политики имел место и у кочевых обществ, которые должны были включаться в сферу международной политики в качестве союзника одной из держав. Однотипная религия страны-неофита означала привлечение этого государства на свою сторону, вовлечение его в сферу собственного политического влияния. Такую практику использовали Византия, Арабский халифат и другие государства. Хазары, как и другие этнические компоненты, входившие в их состав, сначала были язычниками, поклонялись небесному божеству Тенгри-хану. Можно отметить и тот факт, что пластичность тенгрианства позволяла тюркютам в новых взаимоотношениях и при столкновении с новыми религиозными системами органично усваивать и перерабатывать их в часть собственной культуры [14, с. 122]. Как один из главных структурообразующих признаков государства выделяют отделение власти от народа и принятие правящей верхушкой иудаизма, создание наемной армии, полностью оторванной от населения каганата и ставшей опорой власти его иудаизированной элиты [13, с. 154–155]. П. Н. Милюков указал на важную роль торговли и замену язычества монотеистической религией, что способствовало переходу хазар к более высокому уровню культуры [20, с. 358]. С другой стороны, распространена точка зрения о том, что новая религия не способствовала консолидации хазарского общества, а наоборот, разъединила разноплеменное население каганата, подчеркнув классовые противоположности и отделив верхи от широких слоев населения. М. И. Артамонов оценивал роль хазар как прогрессивную лишь до принятия иудейской религии, что, по его мнению, стало для них роковым шагом, так как в результате был потерян контакт правительства с народом [5, с. 274, 457]. Обострились отношения и с Византией. Последняя, в свою очередь, спровоцировала большинство нападений на Хазарское государство аланов и печенегов. С IX в. начинается постепенный упадок каганата, в середине X в. его экономика опиралась только на широкие международные торговые связи. Наступила эпоха посреднической торговли.

Товарная зависимость и экономические отношения с земледельческим населением были характерны на всех этапах социально-экономической и политической эволюции скотоводческих племен. Важным представляется тезис о комплексности хозяйства кочевых обществ, в со-

став которых могли входить и земледельческие народы. В то же время, тяготение кочевников к центрам оседлости, свойственное эпохе формирования ранних государств, породило различные формы синтеза кочевнической и земледельческой культур [25]. При эволюции политических союзов номадов в сторону формирования государственности одним из определяющих факторов становилось соседство с более высокоорганизованными земледельческими обществами. В случае с Хазарским каганатом этого не произошло. В то же время, установление регулярных контактов с оседлыми обществами и, как следствие, появление определенных форм взаимодействия, не всегда сказывалось положительно на дальнейшей судьбе кочевников. И здесь на первый план уже выходит цивилизационная уникальность номадов. В частности, В. Григорьев, отмечает, что господство над оседлой страной длилось тем дольше, чем больше сохранялась отдельность от побежденного населения и «национальность» степных завоевателей. Анализируя отношения между кочевыми народами и оседлыми цивилизациями, исследователь пришел к выводу, что приобщение к цивилизации оседлых земледельцев, усвоение их образа жизни и слияние с покоренными всегда являлось губительным для степняков [11, с. 26]. Близость с цивилизацией имела, как отметил А. Дж. Тойнби, и такую особенность — кочевник становился паразитом цивилизации, так как цивилизация «приучала его жить за чужой счет». Деморализующее действие близости военной границы наблюдалось не только в сельском хозяйстве, но и в политических институтах кочевых обществ [29, с. 31].

Империи номадов являлись как бы милитаристскими «двойниками» аграрных цивилизаций по причине зависимости от поступающей продукции, «при этом степень централизации кочевников была прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации». В периоды кризиса и распада оседлых обществ скотоводы вынуждены были вступать в более тесные связи с земледельческими народами [17, с. 18; 18]. Наблюдались определенные заимствования в разных сферах. Однако проникающая сила каждого из элементов культуры (экономического, политического и культурного) была прямо противоположна его социальной ценности. Так, в первую очередь воспринимался экономический элемент, за ним политика, и впоследствии — культура [29, с. 25].

Хазария продемонстрировала максимально возможный уровень социально-политической организации номадов — кочевую империю. Со временем Хазарский каганат приобретает даже некое подобие федеративной структуры, управление некоторыми областями осуществлялось дистанционно. Однако на этом дальнейшее развитие государственности приостановилось. Хазарский каганат очень быстро миновал «стадию кочевий», но к «городам» так и не пришел [33, с. 224–225]. По крайней мере, известно о них мало. Не наблюдалось близких контак-

тов на этом этапе и с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами. Не нашлось, по-видимому, и «сильной личности», о которой упоминал Р. Груссе. Тем не менее, отмечая высокий уровень политической культуры каганата, следует сказать, что отдельные элементы политической организации в той или иной степени усваивались оседлым населением в контактных зонах. Русская земля развивалась и крепла в борьбе с ха-

зарской экспансией, наблюдается укрепление княжеской власти, заимствование титулатуры «каган». Хазария сумела распространить на славян отдельные элементы своей политической организации. После падения Хазарского каганата уже Киевская Русь становится донором общественно-политических традиций. Под ее влиянием происходят изменения в союзах племен половцев, торков и, в меньшей степени, печенегов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deguignes J. *Historie generale des Huns, des Tures, des Mongols et des autres Tatares occidentaux, ouvrage tire des Livres chinois*. Т. I–V. Paris: Desaint & Saillant, 1756–1758. 2935 p.
2. Grousset R. *L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Paris: Payot, 1939. 639 p.
3. Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. М.: Вече; СПб.: Евразия, 2006. 416 с.
4. Арешян Г. Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: сборник статей*. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 21–24.
5. Артамонов М. И. *История хазар*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 560 с.
6. Васильева Н. И. «Русская Хазария» // «Русская Хазария». Новый взгляд на историю. М.: Метагалактика, 2001. 254 с.
7. Вернадский Г. В. *Древняя Русь*. Тверь; М.: ЛЕАН; Аграф, 2000. 448 с.
8. Вернадский Г. В. *Начертание русской истории*. М.: Айрис-пресс, 2004. 368 с.
9. Галкина Е. С. Кавказские войны VII — VIII вв. и возвышение Хазарии // *Восток*. 2006. № 4. С. 5–20.
10. Герцен А. Г. *Хазары // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.)*. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 90–109.
11. Григорьев В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875. № 3. С. 1–27.
12. Ефименко А. Я. *История украинского народа*. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. 391 с.
13. Жих М. К проблеме «Русского каганата»: Древняя Русь и ее степные соседи // *Русин*. 2009. № 3 (17). С. 147–157.
14. Жумаганбетов Т. С. Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // *Восток*. 2006. № 2. С. 119–126.
15. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя X века [изд., пер., объясн. Д. А. Хвольсон]. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. 199 с.
16. Каргалов В. *Русь и кочевники*. М.: Вече, 2008. 480 с.
17. Крадин Н. Н. *Номады // Родина*. 1997. № 3–4. С. 17–18.
18. Крадин Н. Н. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
19. Кузовков В. В. Кордовско-хазарские отношения и международное положение Хазарского каганата в середине X века // *Історичні і політологічні дослідження*. 2001. № 1 (5). С. 27–32.
20. Милюков П. Н. *Очерки по истории русской культуры: в 3 т.* М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 527 с.
21. Мошин В. А. *Русь и Хазария при Святославе // Из истории русской культуры: статьи по истории и типологии русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2; Кн. 1. С. 47–66.
22. Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука, 1990. 261 с.
23. Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии // Славяне и их соседи: сборник статей*. М.: Наука, 2001. С. 59–72.
24. Першиц А. И. *Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 2. 247 с.
25. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. *Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье*. М.: Знак, 2004. 416 с.
26. Прицак О. *Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag)*. К.: Обереги, 1997. 1074 с.
27. Риер Я. Г. О начальных тапах формирования Древнерусской государственности // *Вестник славянских культур*. М. 2016. № 2 (40). С. 13–27.
28. *Типографская летопись [подгот. к изд. А. И. Цепков]*. Рязань: Александрия; Узорожье, 2001. 575 с.
29. Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.
30. Толочко П. П. *Київська Русь. К.: Альтернативи*, 1998. 351 с.
31. Тортика А. А. *Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // ССв*. 2005. № 1. С. 90–106.
32. Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.
33. Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.